
нелинейно организованного текста, текста с нелинейной структурой (Субботин).

Вторая область пересечения – это область диалогоvo интерпретированной синергетической методологии. Область синергетики *два*, как я ее называю. В этой области синергетический подход к языку означает его как бы деконструирование, деиерархизирование, язык превращается в процесс, нелинейное письмо, которое “размыкая одномерность текста дает простор движению мысли, возможность двигаться по разным направлениям, совершать переход в другие измерения” (Субботин). Гипертекст – новая форма письменной коммуникации. И есть все основания предполагать, что оба названных пересечения синергетики и лингвистики находятся в рамках метаконтекста синергетики в отношении циклической дополнительности между собой.

Л.П.Киященко

Онтология языка – становление смысла

Феномен языка может быть рассмотрен и рассматривался с различных сторон: как предмет прикладного исследования (например в психологии) или как самостоятельный предмет анализа (лингвистика). Но в обоих случаях язык рассмотрен со стороны, внешней стороны – исследователь дистанцирован в той или иной степени от предмета исследования. Это ключевой момент парадигмы классического рационализма. Он основывается на сильном допущении, действующем по принципу умолчания – он заложен в саму программу и уже не обговаривается. Допущение состоит в том, что прежде чем увидеть частности, т.е. посмотреть на предмет исследования со стороны, надо его представить и осмыслить в целом.

Целостное представление и осмысление любого явления возможно при условии особого отношения исследователя, способного к творческому домысливанию, достраивающего это явление до удовлетворяющего его образа(ования). Учитывая это обстоятельство, расстояние между языком (предметом исследования) и исследователем неумолимо сжимается. А если мы вспомним, что исследование ведется вербальными средствами, то приходится признать, что отстраниться от языка в его исследовании невозможно. Исследователь оказывается внутри языка. И встать

в позицию внешнего наблюдения за языком можно ровно настолько, насколько позволяют это имеющиеся средства самого языка, не выпуская из своей сферы. Например, это фиксируется философией языка в дихотомии “метаязык” и “объектный язык”.

Первоначального “схватывания”, представления языка в целом, в основном опирающегося на интуицию, накопленную в практике его использования, недостаточно при более подробном рассмотрении языкового пространства, в которое помещен исследователь. Особенность этой позиции дает преимущество, а может быть и дополнительное осложнение, как посмотреть, отсутствие фиксированной раз и на всегда позиции наблюдателя-исследователя. Он должен как бы постоянно дрейфовать в языке, чтобы, хотя бы в интенции, избежать односторонности его представления.

Односторонность представления ассоциируется с “прямым взглядом”, который отсекает то, что при целостном рассмотрении входит в панораму “зрелища” и воспринимается “косым взглядом”. “Косой взгляд” смазывает четкие границы “прямого взгляда”, внося искажения в привычные очевидности.

Чтобы сделать более понятным смысл, который вкладывается в только что сказанное, попытаемся выразить его другими словами. “Прямой взгляд” – это фиксация в слове, в именовании, предметных очевидностей, которые, грубо говоря, можно потрогать руками. Это можно сказать оstenсивный, первоначальный способ именования того, что в каком-то смысле лежит на поверхности непосредственного значения. Но следующий шаг в установлении отношений уже между двумя предметами ведет к заглядыванию за предмет и за его имя, когда неминуемо опосредование.

Именно это обстоятельство фиксируется в том, что обычно называется “горизонтом”, “картиной мира”, установкой на целостное видение и тому подобное.

Здесь не обойтись тем значением слова, который возник из его непосредственного (обо)значения, необходима ссылка на контекст, на косвенное обстоятельства употребления этого слова. И именно в этом случае, в случае контекстуального употребления слова рождается его смысл. Смысл слова может совпадать с его значением, когда он однозначен. Именно поэтому их довольно часто не различают. Но это совпадение одномоментное. Смысл оставил след, материализовался в значении слова и исчез с видимой поверхности, но мы его имеем “ввиду”, подразумеваем, бессознательно следуем за ним, предчувствуя его появление. Можно сказать, что языковая реальность по параметру смысла обладает не только “поверхностью”, но и “глубиной”.

Языковая “субстанциональная материальность” со своими специфическими характеристиками предоставляет различные способы воплощения смысла. Он может быть воплощен в графике письма, в звуке, который произносится и слышится, в тексте, который осмысливается и понимается. Все это характеризует онтологию языка как сугубо гетерогенное, пористое образование, где однозначность смысла и его носителя возможна в каких-то предельных ситуациях. Набрасываемый смысл пропитывает язык как губку, оставаясь на поверхности, проникает внутрь. Человек, совершающий поиск своего смысла, обречен кружить в сфере смысла языка, иногда даже используя грамматику языка, чтобы аграмматически выразить найденный смысл.

В онтологии языка оседают с разными сроками сохранения возникающие и исчезающие смыслы. Онтология языка поверяет собой пригодность возникших смыслов. Становящиеся смыслы, в свою очередь, не дают здоровому консерватизму онтологии языка, выраженному в его структуре, превратиться в догму.

Речь идет, таким образом, о постоянной соотнесенности и в пределе слитности до неразличения: человека и языка. Перефразируя Хайдеггера можно сказать, что язык “полагает себя нами”. Каков язык, таков и человек, также и наоборот.

Эгоцентрическая позиция классического подхода, исповедующего хладнокровную отстраненность субъекта [его выбор] по отношению к языку, дабы познать его в незамутненной прозрачности, при таком подходе оборачивается паритетностью, так сказать отношением без предпочтений. Наблюдатель-субъект так же может стать наблюдаемым, а наблюдаемое – язык – наблюдателем. Эта позиция, как представляется, создает возможность фиксировать иные, не традиционные возможности динамического расширения смысловой сферы языка, причем как бы изнутри.

За счет чего происходит такого рода изменение языка и в чем оно может состоять? Можно условно, с учетом выше сказанного, выделить три ситуации. Первая связывается с осмысливанием предметной среды. Когда ранее исследуемый предмет, в данном случае неважно будет это собственно языковый предмет или предмет только описываемый с помощью языка, поворачивается иной стороной, остававшийся до недавнего времени без внимания. Кроме этого осмыслившая сферу языка может передвинуться и покрыть ранее не исследуемые области, скажем, области космоса или сегодня вызывающая большой интерес в некоторых публикациях проблематика биополей.

Вторая ситуация порождения смысла может быть связана с внутренним опытом, как языка, так и исследователя, с его памятью. В этом

случае преобладает комбинаторика известных смыслов накопленного опыта. Когда консерватизм системы смыслов довлеет над всякой смысловой новацией.

И, наконец, третья ситуация, которая, вообще говоря, совпадает с выше описанной паритетностью пребывания исследователя, субъекта или вообще человека в языке и которая две вышеописанные ситуации порождения смысла в языке содержит в себе имманентно. Ситуация, когда активность смыслопорождения той или иной части языка в целом может существенно сдвинуть акценты, приоритеты внутри него самого. Примерами такого рода изменений в языке могут служить ломка понятий и представлений с устоявшимися смыслами, скажем, в науке. Например, представление о системе, в каком виде оно существовало в общей теории систем, как оно использовалось в кибернетики и как оно оформляется сейчас в синергетике, служит тому ярким примером.

Но в том или ином случае язык или человек в языке вынужден пересматривать имеющиеся средства и искать новые, более адекватные средства для смыслового выражения.

При всех видах изменений, случающихся в языке мы остаемся в нем, если оставить пока без внимания патологические выпадения из языка (афазия и тому подобное). Здоровый консерватизм системы языка в первую очередь связан с ее нормативной частью, более поддающейся формализации. Все разделы лингвистики: фонетика, морфология, синтаксис, семантика содержат в себе структурообразующее ядро правил. Причем, степень или возможность интерпретации, толкования или понимания, что связывается в первую очередь со смыслопорождением в языке, в разной степени проявляется в разных разделах лингвистики. Цельность, замыкающий характер языка образуется (образ круга), когда связывается фонетика в некоторых интерпретациях как предельно бессмысленная (без мысли, без слова, до слова) звуковая составляющая языка (разбор звуков, букв, буквенных сочетаний), с семантикой (за исключением ее формализованных теорий в логике), где понимающая составляющая языка более всего подвержена рефлектирующей способности разума, менее всего поддающаяся формализации.

По некоторым убеждениям смысл возникает только в слове, в предложении, распознается в контексте и выходит из слова за контекст, в понимание, в так называемую сферу понимания, где проблема выражения в слове отнюдь не всегда решаема. Здесь намечается нечеткая граница языка, через которую в обе стороны может идти взаимодействие словесного понимания с бессловесным и тому подобное.

Сущность языка в различных ее трактовках сводится как правило к феномену знака, как порождению человеческой деятельности. Это утверждение, чтобы не провалиться в дурную бесконечность, надо понимать синхронно, одновременно и ни за одним из них не закреплено генетическое первородство. Одновременно как со-бытие, что не мешает их рассматривать в частных исследованиях приоритетно: сначала первое, потом второе и наоборот. Печать рождения отражена в структуре знака, по-разному выраженная, но сохраняющаяся суть взаимной корреляции осмыслимое-именуемое, звук-значение, означающее – означаемое, воспринимаемое – понимаемое, выражение – значение и так далее.

В знаке, в его структуре уже отражена та существенная особенность языка, способность к метапозиции по отношению к самому себе, языка ли или субъекта. Особенность метапозиции в языке состоит в том и это важно подчеркнуть в ее постоянной оборачиваемости. Корреляция двух сторон знака предполагает пусть временную, ситуационно выраженную предпочтительность рассмотрения знака, скажем, точка зрения осмыслимого на именуемое или наоборот. Или другой пример: обыденный язык может быть содержанием для мета-науки, выраженным в лингвистическом анализе. Обыденный язык используется для выражения возникающего нового смысла или понимания результатов эксперимента в науке.

Это обстоятельство связано с тем, что по терминологии Оккама носит название “двойное познание”. Другое дело, для удобства употребления, многовековая прагматика использования языка закрепила рассмотрение одной из сторон знака или языка в целом, имея другую как бы “в виду”. Отсюда различные мистификации и гипертрофия той или иной стороны языкового знака, учитывая небесконечные возможности человеческого разума. Рационалистическая тенденция к аналитическому расчленению, рядоположенности рассматриваемых явлений, понимание сложности как механической суммы, запреты на рассмотрение синтетических суждений, как стало очевидно, имеют свою строго ограниченную область применения.

Поворот в философии языка в сторону синтетического объединения нерационализируемой до сих пор составляющей языка, попытка синтезировать “двойное познание” за счет легитимизации таких составляющих языковой деятельности как психика, телесность, пользование языком по своему усмотрению, используя накопленное культурой достояние через метафорическое заимствование из ранее непересекаемых языков – все это ждет своего осмысления.